

НЕЗАРАЗНЫЕ

история

АУТ BAND и т.д.

Анна Чудинова
Ангелина Лисицкая
Светлана Красикова
Линда Сауле
Мира Лев
Мария Эльстер
Оксана Сотникова
Ксения Жааф
Творческое объединение
«ЛитBANDиТЫ»
Наталия Фирсова
Алена Перепада
Хелла Гуд
Алла Гугель
Коля Перикатиполе
Юлия Паласиос
Елена Фили
Дарья Грицаенко
Мари Анатоль
Любовь Мартынова
Андрей Ходыкин

Виктория Павловская-Кравчук
Анна Палома
Линда Сауле
НезаРазные истории

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55739612
SelfPub; 2020*

Аннотация

Сборник посвящен теме пандемии коронавируса. Это писательский отклик на то сумасшествие, которое накрыло мир весной 2020 года. Авторы рассказов – выпускники Школы творческих профессий Band, создатели объединения «ЛитBANDиТЫ».

Содержание

От автора идеи сборника	5
Над сборником работали	7
Мария Эльстер	10
Число Ноя	11
Оксана Сотникова	15
Недоразумение	16
О том, как Саша Беспалова за гречей ходила	25
Сочинение на тему «Жизнь нашей семьи в самоизоляции»	29
Вход воспрещен	35
Консервы	41
Анна Чудинова	50
Монстр	51
Линда Сауле	58
Выбор	59
Дурман-трава	64
Дарья Грицаенко	75
Перспектива	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

От автора идеи сборника

Весну 2020 года мы запомним надолго.

Несмотря на то, что коронавирусная инфекция не стоит в ряду самых страшных пандемий, которые перенесло человечество, ее глобальные последствия затронут практически каждого и разделят реальность на до и после.

Трудно оставаться безучастным во времена всеобщей паники и волнений, особенно если ты человек пера. Перед вами сборник рассказов, который появился на свет благодаря совместным усилиям равнодушных авторов, желающих отобразить и сохранить в истории свое видение сегодняшних беспрецедентных событий.

Сборник состоит из работ, созданных в условиях самоизоляции выпускниками Школы творческих профессий @band.ru — в ходе литературного марафона и после его завершения.

Мы надеемся, что «НезаРзные истории» заинтересуют тех, кому небезразличен окружающий мир, и тех, кто захочет сохранить в памяти событие, через которое мы прошли все вместе!

Совместная работа также положила начало новому творческому объединению «ЛитBANDиТЫ», которое поможет как начинающим, так и более опытным авторам расширить границы познания, литературного самовыражения и писа-

тельского мастерства.

В конце сборника вас ждет бонус!

До новых встреч, друзья!

Линда Сауле

Над сборником работали

Автор идеи: Линда Сауле @linda_saule

Координатор проекта: Мира Лев @justbemira

Литературный редактор: Юлия Гусева

@julie_the_editor

Иллюстратор: @eightera_wood_art

Дизайн обложки: Мария Эльстер @maria.elster

Творческое объединение «ЛитBANDиТЫ»:

Мария Эльстер, Оксана Сотникова, Хелла Гуд, Анна Чудинова, Линда Сауле, Дарья Грицаенко, Светлана Красикова, Коля Перикатиполе, Елена Фили, Андрей Ходыкин, Мира Лев, Юлия Паласиос, Алла Гугель, Мари Анатоль, Любовь Мартынова, Ангелина Лисицкая, Виктория Павловская-Кравчук, Ксения Жааф, Наталия Фирсова, Анна Паломма, Алена Перепада.

Вопросы и предложения: litbanditi@yandex.ru

Мария Эльстер

@maria.elster

Число Ноя

20 марта 2020 года по прозрачным водам Гранд-канала города Венеции плыли дельфины и лебеди. Лука Нери, поспевая за ними по безлюдной Рива дель Вин, отметил, что животные и птицы держались по двое.

«Число Ноя, – прогудело в мыслях Нери. – Испокон веков знамения в этом городе приходили по воде».

Так накануне нового 2020 года в Венеции случился сильнейший за столетия потоп. И в день празднования освобождения города от чумы к дверям храма Санта-Мария-делла-Салюте вода принесла ржавые кровати из заброшенного чумного лазарета с острова Повелья. Затем вода и вовсе ушла, оголив серые днища. И по ночам в пустых каналах стоял жалобный скрежет – покинутые судна скребли во сне килем по дну, предчувствуя, что вскоре навсегда останутся на привязи.

«Земля – ковчег в бескрайней ночи, где каждой твари найдется пара, чтобы продолжить жизнь. И ковчег этот спасает сам себя, очищая берега от тех, кто мутит воды», – мысли Луки Нери следовали за лебедиными фигурами вдоль набережной. И в закатном свете казалось, будто плыла по воздуху огненная пара двоек. Город стоял пустой, как закрытый музей.

Нери пересек мост Риалто и поторопился домой, пока су-

мерки не растворили его шаткий силуэт. Не открывая замка, он скользнул в узкую щель под дверь. Как и прочие жители города, этой весной, после большого потопа, из плоти и крови он превратился в зыбкую тень.

Оксана Сотникова

o.sot@mail.ru

sotnikova-o.tilda.ws

Недоразумение

Валентин Петрович вот уже полчаса стоял на любимом балконе любимого третьего этажа и тревожно вглядывался в дальний угол двора. Там кто-то был – вопреки здравому смыслу и логике. А никого быть не должно. В такую рань магазин закрыт, аптека тоже, собачники из 5-й, 19-й, 46-й и 49-й квартир ещё даже не проснулись. Он-то знает. Он вообще знает почти всё, только как донести эти знания до других? Похоже тот, в углу у мусорного контейнера, не подозревает о грозящей ему жуткой опасности. Вот если бы в мире существовала какая-нибудь система распространения нужной и важной информации среди всех жителей планеты, надсеть человечества! Так Валентин Петрович её называл в своих размышлениях, и это стало его идеей фикс. Ну кому, если не ему, дано сделать, возможно, величайшее открытие нового столетия?

Своё приближающееся сорокалетие Валентин Петрович ожидал с трепетом. Как же, такой важный возраст – ему надо теперь встретить красивую добрую девушку, родить ребёнка. А вот дерево он уже посадил. Подумал об этом, и его взор на минуточку остановился на небольшой ёлочке прямо под балконом. Сколько волнений пришлось пережить: вдруг жильцы дома будут недовольны, или собаки поломают, или не приживётся и пожелтеет деревце. Спасибо соседу Васи-

лию – помог всё устроить. Вообще нормальный он мужик, хоть и недалёкий. Когда идёт мимо балкона, всегда спросит: «Ну что, Петрович, как твоя сеть, уже готова?» Да как готова, такие дела быстро не делаются. Валентин перебрал все способы, все пути соединения каждого отдельного человека в единый мозговой центр. Идею синхронизации звонков он отнёс почти сразу. Дорого и технически почти невозможно сделать звонок на все телефоны сразу. Уж он-то знает. Как-то во время учебы на последнем курсе к ним в группу пришли из самой «КосмоМиртелеком», тогда работу предложили только ему, как самому лучшему и перспективному студенту. Ну ещё Димке Сидоркину, но тот всегда без мыла везде пролезал. Даа, Сидоркин-Пидоркин теперь у них начальник, но Валентин Петрович никогда не хотел быть в руководстве. Без него и так в компании как без рук. Кто ещё так быстро и ловко найдёт и починит обрыв кабеля? А много ходить человеку очень-очень полезно. Ботиночки – сносу им нет – не подвели ни разу. Только жена Василия всегда так странно на них смотрит. Завидует, наверное, таких сейчас не делают...

А Вася всё спрашивает, чем его компания занимается. Зачем голову засорять чем попало? Он привык на общих собраниях отключаться и просто делать вид, что слушает. Ведь только дебилы вечно болтают ни о чём и всё пялятся в свои телефоны. Так мама говорит, а она знает, что говорит. Что они там не видели? Лучше бы посмотрели телеканал «Пла-

нета животных». И познавательно, и полезно, и жизни учит – кто кому друг, кто враг. Валентин Петрович каждый вечер к телеку, как на свидание. И ещё любит про науку и технику, про вирусологию сейчас особенно ему нравится, если передача попадает. Он прямо всё понял про напасть, из-за которой и выйти-то нельзя на улицу. Мама так и сказала, что грязнули и дураки умрут первыми. Валентину последнюю неделю и так было не до прогулок. Он жил в предвкушении дня рождения, ведь ему будет позволено подключить ещё шесть ТВ-каналов как совершенно взрослому самостоятельному человеку.

Однако этим ранним утром приятный хоровод мыслей по выбору телепрограмм был сбит мельтешением маленькой фигурки между мусорником и забором. Валентин Петрович постоял ещё минут десять, но картина в углу не поменялась. Тогда он решился. Если бы кто-то в этот час посмотрел во двор, то увидел бы мужчину средних лет в шапке, куртке, респираторе, очках для плавания и жёлтых резиновых перчатках. Тот решительно шагал к играющему ребёнку, почему-то оказавшемуся здесь так рано и без взрослых. Игра была незатейлива, но увлекательна и не требовала других участников. Тем более, что из телефона в руках мальчишки доносились то звуки стрельбы, то громкие вопли и ругательства.

Валентин Петрович с большой опаской подошёл поближе к существу высотой около метра и громко сказал: «Эй, малыш!», но не получил никакой реакции. «Ребёнок, кара-

пуз», – снова позвал Валентин. Мальчишка поглядел на него и засмеялся: «Ты что, родился? Ты Лунтик?»

«Лунтик?!», – тоже развеселился Валентин Петрович. Вот же выдумает на ходу... А и правда, смешно. Луна, лунный пришелец – Лунтик – он чуть не уплыл в привычные рассуждения. Однако надо было спасти эту крошку.

«Послушай, как там тебя..., наверное, ты не знаешь, но сейчас ходить по дворам и улицам смерти подобно. Всюду летают, э... ну как тебе объяснить... вот попал я, зачем мне это надо». Но мелкий совсем не слушал странного толстяка, а деловито копался в телефоне. Валентин Петрович растерянно стоял и пытался найти слова, но вдруг услышал до боли знакомую и одновременно интригующую мелодию...

Вообще-то мама довольно часто приглашала его в свою комнату поболтать о том о сём, побеседовать о жизни и текущих делах. Просто так заходить в её комнату было мове-тоном. Так уж он воспитан, что у каждого должны быть свои границы, в том числе территориальные. Правда в его берлогу мама периодически навевалась, но ведь должен кто-то наводить в ней порядок. Нельзя утопать в грязи и мусоре, в нынешней ситуации и подавно. А уборка – это чисто женская обязанность.

Так вот однажды Валентин услышал из маминой комнаты необычные звуки, вроде как песню или что-то на неё похожее. Это было странно, так как маман всегда слушала классическую музыку или на худой конец песни советских

времён. А тут доносилось «вапапабумбум», и он чуть с ума не сошёл. Потом мама его успокоила, что это по ТВ-каналу для взрослых наткнулась она на сие произведение, но успела быстро переключить.

И вот Валентин снова слышал «вапапа» из телефона этого невзрачного дитяти. Как такое могло быть, он не представлял. Как телевидение может быть встроено в телефон? Или это рингтон такой? «Дай сюда», – он почти вырвал гаджет с намерением разобраться и остолбенел. Кнопок на панели не было, экран – во весь корпус, а на нём с озабоченным выражением лица под вапашную мелодию синхронно качались, подпрыгивали, делали неприличные движения руками разные люди.

«Что же это, почему?» – доверчиво спросил Валентин Петрович мальчика. Тот больше не смеялся, похоже, он проникся важностью своего положения. Мол, ох эти взрослые, откуда такие берётесь! «Смотри, Лунтик», – и пацан стал ловко жать значки и листать вкладки, выдавая по ходу невнятные «инструкции». Валентин не сильно вслушивался в лопотанье, но очень внимательно следил за движеньями маленьких пальцев. Пять минут, и он понял принцип – зря он что ли был первым по успеваемости на своём курсе. Кровь прихлынула к лицу, взгляд замер, в душу прокрался ужасный холод. Каким-то непостижимым образом он пропустил такое событие! Его лелеемое детище, его мировая надсеть изобретена и спокойненько работает, пока он тут муча-

ется, вдохновляется, размышляет и выдумывает различные схемы. Вот эта метровая букашка в курсе, а он нет.

Так, если видео с качающимися персонажами есть у всех, если он слышал эту музыку из маминой комнаты... Страшное подозрение закралось в душу Валентина. Он не помнил, как добрался до подъезда, взлетел на третий этаж и прямо в ботинках пробежал в запретную зону. Некоторое время он оглядывался, думал, прикидывал, где может храниться то, что он сейчас ищет. Сразу полез под подушку и удивился, как быстро обнаружил – «Боже, как банально!» Волны страха и безумной ярости прошлись по телу, последнее победило, руки сами нащупали плоский прямоугольник размером с канцелярскую папку, раскрыли его, как книгу, и нашли нужную картиночку.

И открылись врата то ли ада, то ли рая, Валя не понял, и наступило безвременье. В бледно-серой кисейной комнатке ничего не происходило. Только круг часов на стене, как равнодушный глаз, пялился на согнутую спину на полу, дёргая веком минутной стрелки. Да часовая всё ниже склонялась, как будто всё больше интересуясь, что там такого можно увидеть в этой цветной карусели человеческой жизни, которая мелькала в окошке между дрожащими ладонями. Валентин Петрович не глядя пролистывал сводки цифр человеческих жертв невидимой обычному глазу беды, захватившей весь мир, и в этот момент краем сознания слышал такое знакомое неспешное шарканье и лёгкие вздохи в кори-

доре. Единственное, о чём он успел подумать, что не снял ботинки при входе. Эта капля ужаса оказалась последней, и тьма поглотила Валентина Петровича.

Хелла

Гуд

@hella_good_me

Яндекс Дзен: Hella Good

О том, как Саша Беспалова за гречей ходила

Меня зовут Саша Беспалова. Я добропорядочная и ответственная. Сказали – сидеть дома, спасать мир, – сижу и спасаю! Листаю «Инстаграмчик». Выкусили вы, фифы нагламуренные? Хрен вам, а не Майями этим летом. Сидят все по клеточкам – красота. Все, как я, сидят. Вот и известная певица узнала, какво это провести 24 часа дома с детьми без няни. Посмотрим, как она теперь запоет. А у блогерши-миллионницы в «Пятерочке» под домом всю гречу с полок смели. Во дела... дожили!

Мужик от меня сбежал в прошлом году, сказал, что я – не для семьи. Ну и скатертью дорога. Зато какая у меня работа была – помощницей руководителя департамента! Круглосуточно на связи и во всеоружии! Жаль, что департамент сократили... карантин, мать его. Сейчас у меня нет ни мужика, ни работы. К слову, и денег не особо осталось.

Так-то я не боюсь карантина, наоборот, кайфую. Смотришь себе сериальчики и пользу приносишь. Не жизнь, а сказка! Но тут, как ножом по сердцу: гречи нет, лимоны по 500 рублей... Занервничала.

Как же я ждала окончания 2019-го, не зная, что это была скромная репетиция перед поистине грандиозным выходом гребаного 20-го.

Ну, думаю, пора на охоту. А то останусь, такая добропорядочная и ответственная, и без гречи.

Пойду в «Пятерочку». Плащ надела и очки солнечные. Ну и пофиг, что дождь. Зато выгляжу, как девушка Бонда. Губы красным накрасила – не каждый же день из дома выходишь. Маску не надену. Я смелая. Да и губы опять же... Миссия «Греча» активирована.

Вышла из дома – смотрю влево-вправо. Никого. Нет, я не шифруюсь. Просто говорят, что кругом ходят росгвардейцы и всех отправляют по домам. А без гречи я возвращаться не желаю. Нырнула во дворы. Тут вижу – на перетянутой лентами детской площадке гуляет мать-киргизка с четырьмя детьми. Пятый болтается в слинге на груди. Остальные долбят друг друга палками по головам. Она грызет семечки и делает вид, что это не ее дети. А я все думала, что это я смелая. Нееет. Вот кому не страшен вирус. Потому что гораздо страшнее оставаться в четырех стенах с набором из четырех первоклассных разрушителей.

Иду дальше. Лавочка. Двое сидят, точнее уже полулежат. Спиртом несёт за версту. За жизнь трут. «Галька, тварь такая, бутылку спрятала». А вот и Галька выплывает. По походке очевидно, что спрятала, как учил котенок Гав, «в животике». Дальше было много мата и дружная шлифовка пивом. А я все думала, что это я умная. Нееет. Вирус не страшен тем, кто обеззаразился. А страшнее вируса может быть только Галька.

Ладно, иду дальше. Две бабульки, как пить дать, потенциальные жертвы пандемии, трюндят про Лещенко. Без масок, впритык друг к другу, считай. Сердобольно так обсуждают, заболел, дескать, бедолага. Так и хочется спросить: а вы-то вот, не боитесь? Но неет. Наша добродетель всех вирусов сильнее. Так вот не обсудишь артиста с Анной Петровной, где он, бедняга, энергию на выздоровление возьмёт?

Иду дальше. Что за...? Топают, значит, краля. Волосок к волоску. И, минуточку, свеженький маникюр! Мельком взглянув на свои огрызки ногтей с отросшей до ушей кутикулой, я очень захотела плюнуть ей в лицо. Ну или вызвать Росгвардию. Потому что это преступление против человечества – ухоженные ногти в карантин. И гречей у нее поди две полки заставлены... Сучка! Я прям, глядя на нее, совсем осмелела. Ведь даже вирус боится бабы, которой запретили ходить на маникюр. «Завтра же найду мастера», – подумала я и демонстративно-пандемийно покашляла возле проходящей мимо крали. Немного напряжения на ее беззаботном лице не повредит.

Очень довольная собой захожу в «Пятерочку». Гречки – жопой жуй! Ни одной пустой полки. Но на всякий надо брать. Инстаграм не врет. 2 пакета набрала всякого. Миссия «Греча» выполнена. Дома сварила добычу, новости слушаю. Карантин продлили до 31 мая. Смотрю на ногти, грустно вздыхаю... А потом вспоминаю свою вылазку, улыбаюсь и думаю: «Нашего брата голыми руками не возьмёшь. Хоть на

год усадите». Есть у нас рецепты выживания в любых условиях. Просто пройдите до ближайшей «Пятерочки» и сами увидите.

Сочинение на тему «Жизнь нашей семьи в самоизоляции»

Росинкин Федя 5 «В»

(все совпадения, разумеется, случайны :)

Жизнь нашей семьи в самоизоляции в целом-то неплохая. Была бы. Если б не папа. А с ним – ну совсем невыносимая. И вот почему. Он все за нас решает. Мама говорит, это потому, что он глава семьи. И ему видней, как надо. А я все думаю, откуда вот он знает, что для нас лучше? Хотел купить кота – папа говорит «нет».

– Почему?

– Потому!

Устроил забастовку – попал под домашний арест. Нельзя в нашей семье выражать свое мнение, если оно не совпадает с папиным...

Неужели если ты невысокий, почти лысый и хорошо владеешь «дзюдо» – этого достаточно, чтобы решать за всех? Лично я папу не выбирал. Он говорит, что мама его выбрала. И ведь правда, выбрала... Но что-то я не вижу, чтобы мама была счастливой... Ни шубы дорогой у нее нет, ни домика у моря, как она мечтала. Вот зачем ей такой папа-то? Она только смеется и говорит, мол, да, самодур наш папа, но по-ди найди лучше! Нет никого.

Также и сейчас. Папа сказал, что мы все сидим дома –

полная самоизоляция. А сам при этом ходит на работу. Говорит, что у него сфера деятельности какая-то важная, видимо, настолько важная, что даже вирус таких не трогает. А мне – даже гулять нельзя. Хотя вот Лисичкин гуляет. И ничего. Не болеет. Его папа говорит, что надо укреплять иммунитет, спортом заниматься. И воздухом дышать. Мне нравится его папа. А мой – совсем нет. Мой говорит:

– Все сидим дома, только в магазин можно с мамой ходить, и то в маске и перчатках. И, знаете, я ещё должен «заработать» на эти маски и перчатки. А нет их – нельзя в магазин. Папа так придумал. За вымытую посуду он выдает мне набор. Говорит, что все сейчас должны платить за маски. А я чем лучше? Но обещал назначить денежную премию, если мыть буду особенно хорошо и помогать с младшим братиком. 100 рублей обещал. Говорит, мама выдаст. Но она не выдает почему-то. То некогда, то нет наличных... Но суть одна.

В гости к другим, значит, мне тоже нельзя, и это очень досадно. У меня вот друг есть – Паша Римский. У них в гостях хорошо. Его мама так вкусно готовит! Пиццу с помидорами и сыром! Спагетти с соусом! Пальчики оближешь! И вот недавно мама Римского заболела этим вирусом, даже в больницу положили. У Паши – тоже положительный тест, благо, без симптомов. Папа Римский (не помню, как его зовут) вроде чист. Паша говорит, это потому что он верующий! Ему Бог помогает. Вот любил я у них в гостях побывать. Но

теперь ни к кому нельзя, даже к Лисичкиным, хоть у них все здоровы. Папа говорит:

– Хочешь, чтобы как у Римских было?

Не хочу, конечно... Скорей бы они поправились. Хорошие люди, душевные!

Но это все бы ничего... У меня ведь любовь есть! Саша Замеркина. Она, сами знаете, какая красивая! Самая модная в классе. Длинноволосая блондинка. Умеет говорить на английском. Всегда угощает сникерсами и жвачкой. А какая у нее улыбка! Не девочка – мечта... Но мы, мама говорит, как Ромео и Джульетта... Потому что папа мой Замеркиных недолюбливает. Считает, что они за спиной что-то там выдумывают. Неискренние, говорит. Так вот идём, бывало, с папой, смотрим – колесо у нашей «Лады» проколото. Папа ругается и сетует, что это Замеркины постарались. Даже если сам на гвоздь наехал. Все равно – Замеркины. Они даже в плохой погоде вроде бы виноваты. Ну и папа, конечно, им всегда ответит. Выложил тогда на их белый «Додж» собачью кашку, прям на капот, и размазал палкой. Вроде и весело было, но Замеркиных жалко. Лично мне совсем не кажется, что они причина всех наших бед. Хотя, конечно, после Сашиних сникерсов мне иногда бывает плохо... Но ведь мог бы и не есть, правда? А Саша классная... Но против папы не попрешь.

Живем мы в бывшей коммуналке, поэтому квартира у нас огромная.

Одни соседи съехали. У других мы, как бы это сказать, отжали комнату. К нашим присоединили. И сделали гостиную. Папа говорит, мол, у всех есть по комнате, а гостей где встречать? Отдыхать после тяжёлого дня всей семьёй где? Вот и отжали. Все равно они редко появляются. Слышал, что им квартиру дали в доме Замеркиных. Вот и нет их почти никогда. Комната, мягко говоря, запущена. Надо обои переклеить, диван новый купить. Работы ещё много. Эти соседи как-то приехали, говорят:

– Вы что это, присвоили себе нашу комнату.

А папа бескомпромиссно отвечает:

– Было ваше – стало наше.

И все. Говорит, исторически она нам принадлежит, раньше дед тут жил. Так что, мол, давайте отсюда, в дом Замеркиных. Папа у меня не очень дипломат, конечно. Поэтому в округе нас недолюбливают. Как-то после этого мы Замеркина встретили на улице, а он папе говорит:

– Не стыдно тебе, Росинкин? У Хохловых квартиру отжал!

Ну папа ему популярно объяснил, что если ещё раз нос сунет не в свое дело, мы вспомним и про гараж, который когда-то Замеркиным за бесценок продали. Тоже забрать мигом можем. Кажется, как раз после этого разговора у нас и прокололось колесо.

Ну ладно, я ж про карантин пишу сочинение. Отвлекся. Прошу простить и обнулить все, что было выше. Дальше ис-

ключительно по делу! Да и дело, признаюсь, идёт к концу!

Сижу я, значит, смотрю в окно. Солнышко светит. Птички поют. Лисичкины мимо проходят всей семьей. Без масок. Счастливые такие проходят. И что-то так мне стало обидно. Аж слезы навернулись. Ну и пока мама борщ варила, я хватя свой плащик, прыг в кеды и бегом из дома. Выбежал. Дышу полной грудью. Открытым ртом и носом жадно глотаю свободу. Какой же воздух-то, оказывается, вкусный. Смотрю – на перевязанной лентами детской площадке мужик сидит с бутылкой. На лавочке прям сидит. Ну я и пошел к нему. Мужик был седой весь, с бородой и очень добрыми глазами. Сел рядом с ним и что-то как разревусь. Мужик хлебнул из бутылки и говорит мне, мол, ты чего, парень, нюни распустил. Ну я ему все вкратце и рассказал. А он говорит, пошатываясь:

– Да пошли они все к черту, Федя. Только и думают, как кусок да побольше урвать. Только и смотрят, что у других трава зеленее. Вот и правильно. Пусть посидят, подумают, что действительно в жизни ценно. Считаю, что они такие умные, короли мира, (потом было неприличное слово, я его писать не буду). А тут я им: нате вирус (несет чушь какую-то, выпивоха же).

Мужик снова глотнул из бутылки. И продолжил:

– Смотри, какая березка красивая. На ветру листья колышутся. Вот что поистине ценно.

И правда красивая.

Мужик затянул протяжную песню, а я сидел, любовался березкой и думал. «У Лисичкиных хорошо, у Замеркиных, наверное, тоже... Но почему же нет роднее места, чем наша квартира?.. Нет вкуснее еды, чем мамин борщ... Скоро вот папа вернется, увидит, что меня дома нет – даст по жопе и штраф назначит. Но, знаете, я его все равно люблю. И мне кажется, мы с ним чем-то даже похожи».

– Эх, пойду домой! – говорю седому, а его уже и след простыл...

Конец.

Вход воспрещен

В Москве бушевал вирус. Тишина на улицах. Лишь птицы щебетали, рассыпая залиvistые трели с высоты зеленеющих деревьев. Редко какая машина нарушала это благозвучие гулом мотора. В центре города – пустынно и просторно. Нет ни толпы узкоглазых туристов, ни бегущих пиджаков с бумажными кофейными стаканчиками, ни зеленоволосых прыщавых скейтеров, разбавляющих яркими кляксами поток из серых прохожих. Ни души. Лишь архитектура и пение птиц. Любо-дорого посмотреть.

В тиши центральных московских дворишков красовался особняк, выставляя на показ свои причудливые барельефы. Впрочем, как сказать – на показ – показываться было особо и некому. В нем располагался офис одной логистической компании, но он уже месяц как был закрыт на карантин. И вот когда особняк потерял всякую надежду быть хоть сколько востребованным, из арки показались трое.

Двое мужчин слегка за 40. Один – с сединой и пухом, которое порой он почесывал очень волосатой рукой в «Ролексах», другой – щуплый и почти лысый, семенил возле и будто постоянно кивал. Их общество разбавляла миловидная брюнетка, на вид ей было где-то между двадцатью и пятьюдесятью. Определить возраст ухоженной деловой дамы – та ещё задача, решить которую под силу разве что патолого-

анатому...

– Вань, сейчас надо сливать, я тебе говорю, и только доллары! Ты прям как младенец рассуждаешь, ей Богу, – импульсивно выступал пузатый, будто заколачивая своим авторитетом гвозди в голову кивающего. Женщина, обладая природной мудростью и добрым сердцем, увела разговор в сторону:

– Сергей Вадимович, извините, что перебиваю, но хочу напомнить, что у меня немного времени, мне сегодня надо...

– Да, Мария Михайловна, я все помню, – отрезал начальник и продолжил морально уничтожать успешного выдохнуть Ивана, который, в свою очередь, устремился ко входу в здание быстрее остальных, чтобы то ли спастись от гнета начальника, то ли по-джентльменски открыть дверь перед дамой.

Сергей Вадимович спешил больше всех – на кону была важная сделка, поэтому он первым вошел в дверь, любезно распахнутую его заместителем Иваном Андреевичем.

Но вот незадача! Высоченный шкаф в маске – сотрудник охраны – преградил путь пузатому начальнику.

– Внутрь нельзя! Указ генерального директора: никого в офис не пускать в связи с карантином.

Сергей Вадимович театрально рассмеялся, смех подхватили коллеги. Посмотрев на табличку с именем на куртке дерзкого охранника, начальник заплодировал.

– Bravo, Вячеслав, bravo! Вы отлично выполняете свою

работу! Только я и есть генеральный директор! Арутюнов Сергей Вадимович, – довольно строго добавил он и попытался продолжить свой путь. Но Славик снова сурово его преградил.

– Я знаю, кто вы, Сергей Вадимович! Но вы же читали свое постановление? Вот, четко написано: НИКОГО НЕ ПУСКАТЬ! ПОДПИСЬ. ПЕЧАТЬ, – показывая на закрепленную на стене бумагу, сообщил охранник и добавил со всей искренностью: – Как я могу нарушить ваш приказ?

Арутюнов нервно рассмеялся:

– Похвально! Но давайте закончим этот цирк. Мне нужно срочно попасть в мой собственный офис.

Мария Михайловна, как идеальная помощница руководителя, уже звонила в службу охраны, чтобы найти управу на нерадивого сотрудника, но карантин... трубку не берут.

Славик, поправив медицинскую маску на лице, глядя в глаза начальнику, невозмутимо отвечал:

– Я работаю по совести, Сергей Вадимович! Есть приказ – надо выполнять. И взятки можете не предлагать – не возьму!

– Я вас умоляю, какие взятки! – Иван Андреевич, почувствовав свой звездный час, решил взять дело в свои руки и пойти напролом, пытаясь убрать руку охранника. Но гора по имени Славик остановила и замдиректора.

Арутюнов закатил глаза, видя жалкие попытки плюгавого заместителя прорваться через несокрушимую мускулистую стену в виде невесты откуда взявшегося честного охранника.

Мария Михайловна продолжала безуспешно дозваниваться и нервничать, глядя на часы.

– Так, хорошо, что вам нужно? Новый приказ? Я сейчас же его напишу. Вань, ручку и лист. Как это нет? Найди! Купи, – злился начальник.

– Это здорово будет, но без печати – недействительно, – справедливо заметил Славик.

– Печать наверху, в сейфе. Вы издеваетесь, я не пойму? – Арутюнов уже орал. – Дайте пройти, и будет вам печать. Хоть на жопе!

Охранник даже на такую дерзость отвечал очень вежливо и учтиво:

– На жопе не надо. Надо на листике, где ваша подпись. А пропустить наверх не могу! – Славик склонился над начальником и, пожимая плечами, шепотом добавил: – Приказ генерального!

– Дебилизм! Дурдом! – взорвался Арутюнов. Иван Андреевич, будто эхом, скопировал возмущение руководителя.

– А вы можете сами принести печать, уважаемый? – вдруг предложила Мария Михайловна, потеряв всякую надежду дозвониться до начальника службы охраны.

Арутюнов с заместителем резко прекратили кричать, переглянулись и начали шептаться. Иван Андреевич, будучи любителем шпионских боевиков, попытался изобразить выражение лица Джейсона Стэтэма и заговорщицки прошептал девушке:

– Там сейф же, деньги, много. Нельзя.

Мария, пристально глядя в глаза коллеге, спросила:

– И что вы предлагаете? Не отправлять договор? Терять сделку?

Переведя взгляд на Арутюнова, девушка добавила:

– И мне уже давно пора, Сергей Вадимович. Вы же помните? – Посмотрев вниз, она робко промямлила: – Эпиляция... Я не думала, что мы так застрянем.

– Да, Машенька, идите. Иван Андреевич, надеюсь, справится с кофемашиной. Но постарайтесь еще раз дозвониться до руководителя этого самодура!

Грациозно виляя крепким задом и постукивая каблуками, Мария Михайловна удалилась, обратив на себя взгляды троих мужчин и заставив их на долю секунды забыть о возникшей ситуации.

Опомнившись, Арутюнов с замом продолжили совещаться. Славик невозмутимо насвистывал откуда-то возникший в его голове трек «На “лабутенах”...» группы «Ленинград». Вдруг перед ним возникла щуплая фигура Ивана Андреевича. Зам, снова перевоплотившись в Джейсона Стэтэма, протянул Славику бумагу с паролем от сейфа и инструкцию. Арутюнов смотрел на охранника с ненавистью, как бравый солдат, которого противники скрутили и взяли в плен. Славик, гордо отдав честь Ивану Андреевичу, вошёл в офис, закрыв за собой дверь, чтобы ни один чужак не проник на охраняемую им территорию.

– Дурдом. На хрен разгону. Ну надо таким тупым быть. Приказ у него. Сейчас выйдет, узнай фамилию. Все запиши. И уволить первым делом, – бубнил Арутюнов.

Москва была все также пустынна и прекрасна. Солнце отражалось в окнах красивейшего особняка на Остоженке, в котором располагался офис одной логистической компании. Возможно, именно сейчас ее генеральный директор впервые нашел время обратить внимание на эти причудливые барельефы.

А мимо проезжал новенький «Мерседес» Марии Михайловны, в который только что запрыгнул ее бойфренд Славик с большим черным дипломатом. Сняв с лица медицинскую маску, Славик поцеловал любимую и, подбросив вверх ключи от черного входа, сказал:

– Ну что, моя королева, изолируемся с шиком?!

Маша включила музыку и под «Лабутены» «Ленинграда» нажала на газ.

Консервы

Каждый новый день давно был похож на предыдущий. Утро Тимура уже полгода начиналось с завтрака и порции виски со льдом. Затем он медленно, с наслаждением выкуривал сигарету, умывался и только потом надевал специальный защитный костюм с маской. Мужчине было ровно 40. Сегодня. Что за день рождения, если его нельзя провести в баре за углом, зацепив там какую-нибудь пьяную татуированную дурочку?

С тех пор, как эпидемия захватила город, ставки сильно возросли. Контакт с инфицированным – сутки-двое – остановка сердца. Вирус передавался по воздуху, впитывался через кожу, поэтому никто не открывал окна, и даже дома люди старались находиться «в защите», снимая ее лишь для экстренных нужд. Тимур жил один в съемной студии на малой Бронной. Так как дизайнерский талант позволял ему работать из дома, его финансовое положение не страдало. А вот личная жизнь уже давно трещала по швам. Он стоял перед зеркалом, откуда на него смотрел двухметровый верзила в черном комбинезоне и маске, напоминающей противогаз. В этот момент раздался звонок в дверь. Такой пронзительный и резкий, что верзила аж вздрогнул. Ведь Тимур уже и не помнил, когда общался с кем-то вживую. К тому же, так звонить в дверь могла только она. Посмотрев в глазок, он глу-

боко вздохнул. Возможно, открывать не стоило. Но почему она приехала? Они расстались много лет назад, полностью разорвав отношения. Из соцсетей он вынужден был знать о ее счастливом замужестве и материнстве. Тимур повернул замок.

На пороге стояла залитая солнцем рыжеволосая девчонка. Черт, почему время над ней не властно? Веснушки рассыпались по ее лицу, как сотни звёзд. Она была такая летняя и теплая, но отчего-то по телу Тимура пробежали мурашки.

– С днем рождения, терминатор! – звонко сказала Аня, будто вырезав из памяти все те годы, когда ее не было рядом.

– Ты с ума сошла?! Ты почему без маски? Жить надоело?!

– Жить вот так – да. Так больше не хочу. Устала бояться.

Тимур разозлился:

– Ничего не меняется, ты думаешь только о себе. У тебя семья, а ты все... прыгаешь.

Аня сделала вид, что не услышала упрека:

– Как ты тут живешь, показывай! Я войду? – не дожидаясь ответа, она сняла обувь и прошла в комнату. – Ого, перестановочка! Одобряю!

Отодвинув маску, Тимур опрокинул очередную порцию виски.

– А ты все бухаешь? Жить надоело? – передразнивая, спросила девушка.

Тимур закатил глаза.

– Ты как ехала? Давно сняла защиту?

– На велике, – Аня задорно улыбнулась, – сняла в 10 ещё, когда анализ сделала.

Тимур молчал, схватившись за голову. Она продолжала.

– К утру меня, скорей всего, не станет. Контакт с инфицированным. Я хотела попроситься. Чтобы не как тогда...

Помолчав, она озорно добавила:

– Наливай!

– Аня...

– Ну давай же, не теряй время. Его у меня крайне мало, ты знаешь.

Тимур налил ей виски.

– За нас! – громогласно выпалила Аня.

Тимур молчал. Он прекрасно помнил то недолгое время, когда ее лёгкость его привлекала. Также он прекрасно помнил, как тяжело было выбросить ее из своей монохромной жизни.

– Ты ведь можешь и меня заразить. И неужели ты не хочешь побыть с семьёй?

– Я с ними уже попрощалась. Не хочу, чтобы дочь видела мое мертвое тело. Поэтому мама улетела на звёздочку и будет за ней оттуда присматривать.

– Благородно... но с чего ты решила, что твое мертвое тело хочу видеть я?

Аня рассмеялась так ярко и звонко, что у Тимура защемило в груди. Она была воплощением самой жизни.

– Я скучала по твоим шуткам, – вдруг добавила она се-

рздно. – Почему ты прогнал меня, Тимур? Я много лет размышляю над этим и не нахожу ответа...

– Зачем ворошить прошлое? Благодаря нашему разрыву ты встретила свою любовь, построила семью.

– Хочешь честно? Я с Митей пыталась забыть... Хотелось тебе доказать, что я годная женщина...

– М... круто забылась! Замуж вышла, Еву родила.

– Да, – рассмеялась девушка тысячей осколков в груди Тимура. – Но меня так и мучает вопрос... До сих пор. Почему ты бросил меня?

– Не знаю. Испугался, наверное. Я одиночка по своей природе.

– Продолжай, – глотнув виски, настаивала Аня.

– Ну мы разные, понимаешь? Ты живёшь на радуге. А я в бункере. Мы бы уничтожили друг друга. И все то светлое, что у нас было...

– И есть? – спросила девушка так резко, что Тимур будто почувствовал острое лезвие возле своего горла. Девушка не унималась:

– Ну раз оно было, и мы «вовремя» расстались... Значит, оно сохранилось? Как консервы?

– Чего?!

– Так вот, я пришла, чтобы открыть банку. Мне важно знать. Ты меня любишь, Тим? Ты только не ври. Скажи как есть.

– Нет, – Тимур ошетинился, готовый давать отпор упер-

тому рыжеволосому консервному ножу.

– Ладно, ты прости за эту прямоту. Мне просто, сам понимаешь, нечего терять. Вот я и... А давай киношку посмотрим. Нашу какую-нибудь! «Звёздные войны» давай! Ты, кстати, сейчас как никогда похож на Дарта Вейдера, просто копия.

Они оба засмеялись. Тимур скорее от того, что неприятная ему тема резко была закрыта. Ведь он не из тех, кто сожалеет о прошлом. Не из тех, кто пересматривает совместные фото каждый день. И уж точно не из тех, кто уже несколько лет любит чужую жену.

Вслед за фильмом Аня попросила включить музыку. Она танцевала, как в последний раз. Грациозно, живо, экспрессивно. Тимур наблюдал со стороны, улыбаясь где-то глубоко под непроницаемой маской. Этот вирус был свирепый, но такой удобный, чтобы прятаться от всего настоящего.

– Ну, а теперь не откажи мне в медленном танце! Уже полночь. Я хочу все успеть!

– Давай без этого, – отвечал Тимур, не очень-то рьяно освобождаясь от ее объятий.

– Даже перед смертной казнью есть последнее желание! – прошептала ему на ухо Аня и дерзко улыбнулась, вспугнув стаю бабочек, давно дремавших внутри мужчины.

С наигранным нежеланием Тимур ответил:

– Хорошо. Эта песня тебе понравится.

Он обнимал ее стройное тело, роняя броню. Чувствовал

ее запах, видел, как поднимается ее грудь при вздохе...

В жизни он боялся всего двух вещей: что она однажды его бросит и смерти. И если с первой он все ловко придумал, то что делать со второй, он никак не знал.

Тимур приподнял маску.

– Одень живо! – завопила Аня.

– Открыла консервы – ешь, а то... испортятся, – невозмутимо ответил Тим.

– Ты меня не любишь, но готов умереть из-за меня? – с сарказмом спросила Аня.

– Вот такой вот я противоречивый персонаж, – мужчина улыбнулся и прижал ее к себе крепче.

– Какой ты дурак... Мы могли быть так счастливы!

Тимур помолчал, любуясь пытливым взглядом девушки, а потом предложил:

– Выпьем? Хочу обеззаразиться.

Она снова залилась хохотом:

– Раз ты такой смелый, спать я буду с тобой, – сказала порядком опьяневшая Аня, положив ему голову на плечо. – Только очень прошу, если меня не станет этой ночью, не звони Мите... Он огорчится, узнав, что я была тут, – добавила она очень серьезно и плюхнулась на кровать не раздеваясь.

Тимур лег рядом, слушая в темноте каждый ее вдох и выдох. Чтобы почувствовать пульс, он взял ее за руку.

– Я люблю тебя больше всех на свете, – промурлыкала сонная Аня.

Тимур молчал. Даже сейчас она приехала, чтобы в конечном итоге его бросить, оставить одного. Он просто гладил ее по волосам и впервые в жизни молился. Всю ночь Тим не мог сомкнуть глаз, охраняя, как верный пес, последние мгновения такой любимой нелюбимой женщины.

Утреннее солнце заливало комнату оранжевым, подсвечивая огненные волосы Ани. Тимур сидел на краю кровати и любовался жизнью, которая была в каждой ее клеточке, каждой реснице... Какое счастье, что свой последний день она провела именно с ним. На этой мысли Тимур отрубился.

Проснувшись, мужчина взялся за болевшую с похмелья голову и неожиданно почувствовал свое живое лицо, без маски. Это было так непривычно, но так приятно – прикасаться к собственной коже. В следующую секунду он перевел взгляд на Аню, которой уже не стало. Ее и правда нигде не было. Хватившись, он выбежал, как есть, в коридор, а потом – из подъезда. Ни души. Тимур стоял на пустой улице. Кожу обвевал свежий летний ветерок. Мужчина вдыхал полной грудью весь этот воздух, в котором совершенно точно можно было уловить нотки запаха рыжеволосой девушки. В жизни он боялся всего двух вещей: что она однажды его бросит и смерти. И если со второй он будто бы уже смирился, то что делать с первой, он снова никак не знал.

Анна Чудинова

@chudaneshka

Яндекс Дзен: Анна Чудинова

Монстр

За плотными шторами уже давно кипело солнце, когда Фрэнк снова услышал крик. Он быстро откинул одеяло, скользнул в домашние шлепанцы и вышел в коридор.

Утренние лучи бежали стройными рядами по лиловым стенам и утыкались в детскую.

– Папа, прости, что разбудил, – тоненький голосок Нормана позвал из-за приоткрытой двери.

– Ничего, – Фрэнк прошел в маленькую комнатку с веселыми обоями в цветочек и сел на край кровати. – Опять слышал это?

– Нет, я спал, – помотал темной курчавой головой Норман, устраиваясь поудобнее в мягком подушечном замке. – Просто приснился кошмар.

Фрэнк с Меридит усыновили Нормана в конце прошлого года, еще до проклятой пандемии. Милый, чувствительный мальчик семи лет, с добрым сердцем, как у Лили. В доме не хватало детского смеха после смерти их шестилетней дочери, а так хотелось снова почувствовать себя семьей. Вернуть в дом теплый коричный аромат, мандариновую пастилу и смешные записки. Особенно в Рождество. Когда все вместе.

Но Меридит не справилась. Не смогла принять приемного сына и ушла, не слушая мужа, который был убежден: им

обоим нужен этот малыш.

Фрэнк ни в чем не винил жену. Когда же объявили режим самоизоляции из-за страшного вируса, Фрэнк даже обрадовался. Он был уверен, что это сблизит его с мальчиком. И вдвоем им будет ничуть не хуже! Они обязательно найдут, чем заняться, и придумают, как весело скоротать тягучие карантинные дни.

Два месяца Фрэнк и Норман жили спокойно, но с приходом теплых апрельских дней их уютный дом превратился в склеп с темными глазницами вместо окон.

По ночам Фрэнк стал слышать истошные вопли из комнаты сына. Он прибежал к нему и видел Нормана оцепеневшим от страха. И каждый раз мальчик говорил, что слышал, как монстр скребет когтями над его головой.

– Хочешь, поговорим об этом? – Фрэнк подошел к окну, резко откинул шторы и зажмурился от вспышки света.

Мальчик сидел неподвижно и смотрел перед собой. Казалось, будто голубые озера его глаз мертвенно застыли.

– Папа, мне кажется, я скоро умру, – наконец он перевел взгляд на отца. – Монстр вот-вот доберется до меня, схватит своими огромными клешнями и разорвет на тысячи кусочков. Знаешь, теперь он стал приходить каждую ночь. Слышишь, пап, каждую! Когда ты уходишь к себе, и я закрываю глаза, мне становится так страшно, что я даже не могу пошевелиться. Я лежу и считаю выдохи – раз... два... три. И тогда я хочу только одного.

Норман внезапно замолчал.

– Чего же? – в горле Фрэнка пересохло.

– Заснуть раньше, чем он придет.

– Норман, – отец сел рядом с мальчиком. – Все хорошо.

Норман схватил отца за руку озябшими пальцами и прижался к нему. Фрэнк почувствовал, как пойманной птицей бьется маленькое сердце.

– Папа, как ты думаешь, мама вернется?

– Я бы что угодно сделал, лишь бы вернулась, ведь мне ее так не хватает, – в голосе Фрэнка зазвучали колкие нотки досады.

– Она ушла из-за меня?

– Нет, Норман, – ответил Фрэнк, не переставая теревить пуговицу на пижаме.

– Да, папа, да, – всхлипывая, закричал мальчик. – Потому что я – чудовище... Монстр!

– Ну, конечно, нет, Норман. С чего ты взял?

– Я слышал, как мама плакала и кричала: «Я его ненавижу! Он сводит меня с ума!».

– Иногда трудно принять жизнь, малыш.

Часы пробили девять.

– А знаешь, что? Давай-ка мы с тобой пойдем на чердак, и я тебе покажу, что там никого нет?

– Я снова не смогу.

– Попытка не пытка.

В коридоре пахло мореным деревом и легкой сыростью.

Чердачная дверь зияла своей черной пастью, и иголки страха впились в затылок мальчика. Фрэнк мягко повернул ручку двери. Норман сжал кулаки и сделал шаг вперед.

Чердак был почти пустой. У двери рассыпавшимися кубиками стояли пыльные коробки со старыми бумагами, пластинками и игрушками Лили.

В густо-синие прямоугольники чердачных окон солнце спускало прозрачные золотистые рукава, в которых медленно кружились пылинки.

В углу, ощерившись, валялись дырявые коньки, устало грустили клюшки, да старенький граммофон мертвецки застыл с открытым ртом.

Больше на чердаке ничего не было.

– Видишь, никакой опасности, – Фрэнк включил свет.

– Вижу. Значит, это только у меня в голове, да?

– Доктор Дюк сказал, что может быть и так.

– Я так хочу, чтобы это прекратилось, папа!

– Прекратится, малыш, – отец, запнувшись, прошел к углу и взял конек. – Мы еще с тобой обязательно погоняем шайбу зимой. Вот только озеро схватит крепкий лед.

Норман кивнул, и уголки его рта тронула улыбка.

Весь день Норман ощущал невыразимый трепет. Сначала он играл, потом смотрел в окно на пестрых уток на озере и мечтал о том моменте, когда они с папой смогут выйти погулять. Утки шныряли туда-сюда – на берег и обратно в воду, а вокруг плясали деревья в своих новых светло-зеленых

платьях.

Вечером они поужинали тыквенным супом и жареными отбивными с горошком. Затопили в гостиной камин. Потом отец с сыном сидели в детской и читали сказки.

Когда часы пробили девять, Фрэнк закрыл книгу.

– Ну что, пора спать.

– Хорошо, папа. Я постараюсь поскорее заснуть.

– Да, Норман, завтра будет новый день!

Фрэнк встал с кровати мальчика, поправил подушку и выключил ночник.

Когда дверь закрылась, Норман впервые за долгое время не почувствовал тонких когтистых лап страха у себя на плечах. Он спокойно провалился в квадратное облако из перьев и закрыл глаза.

Фрэнк пошел к себе, лег в постель и немного почитал газету. Посмотрев на часы, надел домашние шлепанцы и спустился на кухню. Налил стакан воды, поднялся на второй этаж. Поставил стакан на тумбу у зеркала, взял карандаш вместо расчески и старательно пригладил им волосы. Потом тихо открыл чердачную дверь и вошел внутрь. Не включая свет, он бесшумно проскользнул к углу, взял клюшку, уродливо оскалился и начал ритмично скрести ее тупым крюком по стене.

Линда Сауле

@linda_saule

Выбор

В зашторенной комнате на кровати лежали двое. Пахло теплым утром и чем-то временным. На прикроватной тумбочке в тарелке увядали кружки колбасы и дольки лимона, схватившиеся пожелтевшей сахарной коркой. Рядом белела пустая бутылка из-под водки и две мутные, захватанные стопки.

Женщина не спала. Ее бледное, покрытое испариной лицо излучало любовь. Она рассматривала строгий мужской профиль, жадно поглощая глазами каждый сантиметр гладко выбритой кожи, ровный нос, широкие, темные брови, припухшие от ночных поцелуев губы. Потом взгляд упал ниже, на крупную, мужественную руку, отдохавшую на смятой простыне. На безымянном пальце дразнилось в утреннем свете узкое колечко. Но этим утром золотой блеск словно потускнел. Скосив глаза на массивные мужские часы, на которых обе стрелки показывали девять, Лара удовлетворенно улыбнулась. Получилось! Теперь целый месяц – рядом, она и мечтать о таком не могла.

Словно почувствовав ее взгляд, мужчина шевельнулся. Шумно вдохнув всей грудью, он открыл глаза и проморгался, оглядывая комнату заспанными, темно-карими глазами.

– Ты чего меня не разбудила? – хриплым шепотом произнес он.

– Сегодня ж карантин начался, – прижалась она к нему, ощущая, как тело пробивает озноб. Она прижалась сильнее, стараясь согреться.

– Знаю, потому и спрашиваю, – отозвался он. – Ты о чем думала?

– Я плохо себя чувствую, Тош, —тихо произнесла она. – А вдруг я уже больна?

– Веришь во всю эту хрень?

– Верю, – вздохнула она. – Не зря же, говорят, он только женщин убивает. Наверное, слишком много нас стало.

– Женщин много не бывает.

– Ну конечно.

Она устало вздохнула и, помолчав, добавила:

– А знаешь, что еще говорят?

– М? —хмыкнул он.

– Что вакцина уже есть, но стоит полтора ляма. И вообще ее не достать, – она бросила на него взгляд, полный надежды. – Ты раздобудешь для меня одну?

– Зачем тебе? – воскликнул он.

– Мне кажется, я заразилась. В груди так холодно и ног почти не чувствую, словно одеревенели.

– Ах ты, маленькая притвора, – ухмыльнулся он и схватил ее за голую грудь. – Я для тебя достану все, что только пожелаешь!

– Больно же, Тош!

Она притворно взвизгнула, а потом посерьезнела:

– Ты же не уедешь? — произнесла она с тоской в голосе, пытаясь поймать его рассеянный взгляд. – Сейчас и выходить-то никуда нельзя, куда ты поедешь? Скажи, что застрял на работе, придумай что-нибудь, только не бросай. Ты много продуктов привез, нам на месяц хватит!

– Девочка моя, – потянулся он губами к ее холодному лбу и замер, прикрыв глаза.

– Уедешь значит, – горестно произнесла она. – Тебя ж повяжут на первом повороте!

– Если еще поваляться с часок, тогда уж точно повяжут. Надо ехать, – он резко встал с постели и прислушался к звукам на улице. Подойдя к балкону, он дернул дверь, чуть не сорвав белый отрез тюля со следами кошачьих когтей по всему краю. Резкий порыв апрельского воздуха – асфальтно-дождливый, беспокойный – ворвался в комнату и с тихим шорохом опал.

Лара тоже встала, как была, нагишом, и, пошатываясь, подошла к Антону. Прижавшись сзади, обхватила его грудь руками. Ее бил мелкая дрожь. Две фигуры замерли у открытой балконной двери, его – крепкая, не пропускающая свет, ее – нежная, невесомая, похожая на тень. Они глядели вниз, где по пустой улице между девятиэтажками медленно катился старенький грузовик. Из прикрепленного к кузову громкоговорителя разносился монотонный ржавый голос.

– Оставайтесь дома. Для вашей безопасности – оставайтесь дома.

– Точно надо ехать, – решительно сказал Антон и развернулся, сорвав замок ее рук. Они упали, словно обрубленные ивовые ветви, вдоль белесых, ослабших бедер.

Через пять минут он уже стоял у дверей одетый, в наглухо застегнутой плащевой куртке. Взгляд сосредоточенный, почти чужой.

– Тош... Ты же привезешь мне вакцину? – произнесла она вместо прощания, ощущая дрожащую слабость собственных конечностей.

– С тобой все в порядке, это просто похмелье.

– Я люблю тебя.

– Я тоже.

Выйдя из подъезда, Антон прошел до угла дома, сел в затемненную по всему периметру стекол БМВ и завел мотор. Первым делом обнюхал себя и, поморщившись, полез в бардачок. Он достал парфюм и сделал четыре пшика – два на шею, два на рубашку. Бросил флакон обратно, но закрывать бардачок не спешил. Рука его потянулась глубже, сквозь стопки документов и накопившейся мелочевки. Он выудил оттуда плоский пластиковый пакетик и внимательно посмотрел на этикетку. «СТОПВИР-21», – гласили отпечатанные на прямоугольнике буквы. Чуть сдавив, он нащупал тонкий шприц и небольшую продолговатую ампулку.

– Полтора ляма, – пробормотал он. – А два – не хочешь? Обернувшись, посмотрел на окна только что покинутой

квартиры: балкон был закрыт, силуэта не видно. Видно, легла. Неужели, и правда, больна? Он снова взглянул на пакетик, раздумывая, сжав губы добела, нахмутив брови. Потом метнул его обратно в бардачок и решительно захлопнул дверку. Включив музыку, он рванул вперед, оставляя позади сонные, безнадежно притихшие девятиэтажки.

Нужно было торопиться. Жена не любила завтракать одна.

Дурман-трава

Гроб был закрытым, грязно-бурого цвета, и больше походил на продолговатый ящик. На боковых впадинах его лежал плотный, застарелый слой пыли. Вокруг гроба ходил священник и размахивал кадилом на железной бечевке. Улетая вперед, кадило запрокидывалось и тихонько лязгало, а возвращаясь, выпускало струю тягучего белесого дыма. От него вскоре начали кашлять, и пара человек, пригнувшись от неловкости, стали протискиваться к выходу. Остальные с завистью глядели им вслед и едва слышно вздыхали.

Ближе к изголовью гроба, возле портрета, стояла Софья Петровна, жена покойного. Темный платок, плотно повязанный на ее голове, вдавил поперечную линию в высокий, прохладный лоб и залёг безмолвной полосой над сухими от слез глазами.

– Софочка, гроб-то протереть надо, – прошептала ей на ухо сестра покойного, баб Зина.

Софья Петровна обвела гроб глазами и кивнула, оставшись стоять без движения. Священник, ритмично покачиваясь в такт кадилу, прошагал мимо, и резкий запах ладана окутал Софью Петровну и старушку.

– Бедный братик! – прошипела она, качая головой, чтобы рассмотреть гроб через белые клубы дыма. – Попрощаться не дали, еще и в пыльном гробу в земельку пойдет!

– Отдали, и на том спасибо, – ответила Софья Петровна и вновь сомкнула губы.

Покойного звали Александр. Он работал в Москве, на бумажном производстве. Что именно случилось в тот день, Софье Петровне толком и не объяснили. Она поняла одно – температура поднялась так стремительно и так высоко, что в «Коммунарке» муж впал в кому, из которой больше не вышел. Коронавирус не изменил своей любви к людям преклонного возраста, сожрав легкие ее мужа за несколько недель до пенсии. Только спустя два с половиной месяца, когда пандемия ослабила свою неистовую хватку, наглухо запечатанный гроб вернулся в родной город. Помогли институтские связи Саши, не то лежать ему вовек на дальнем краю столичного кладбища, без заботы и доброго поклона.

Священник дочитал заупокойную, и Софья Петровна напоследок прикоснулась к гробу под гулко-церковное всхлипывание родственников и друзей. Женщина провела рукой по боковым пристенкам, стараясь смахнуть на пол пыль, но она так и осталась на пальцах, застарелая и липкая. Софья Петровна ощущала эту пыль, когда ехала на кладбище в нанятом микроавтобусе с табличкой «Проезд 60 руб.», когда глядела, как ползет на ремнях в рыжую землю гроб с телом, когда зеленые еще пацаны в черных майках взялись за лопаты. Только когда собрала тугой ком растревоженной земли и бросила вниз, и глядела, как летят цветы на высокий холмик под деревянным крестом, это ощущение наконец-то ее

покинуло.

На поминках оживились, разговорились. Сначала тарелки, а потом и гости. Черные ломти спускались с рюмок и ныряли в мясную подливу, рты, по-земляковски, без масок, усиленно жевали, обжигающий куриный бульон обволакивал внутренности, заиндевевшие рюмки не оттаивали. Гости пили не чокаясь и, вставая, всякий раз наполняли пустой зал столовой грохотом отодвигаемых стульев. Когда звучала траурная речь, Софья Петровна принималась плакать, и еще немного плакала, когда она заканчивалась. Так она проплакала почти все первое, а когда подали второе, Софья Петровна медленно поднялась, и за столом воцарилось внимательное молчание.

– Мы с Сашенькой жили долго, – сказала она, глядя на вниз, на край скатерти. – Работал он много, себя не жалел. Все для нас с Кирюшей собирал, каждый месяц, как по часам, присылал, – она всхлипнула. – Да он и тратить-то не умел! – вдруг с истеричной ноткой вскрикнула Софья Петровна, и над столом пронесся печальный смех. – Дом пятнадцать лет строили! – она взвила кверху левую руку. – В этом году последнюю доску в забор поставила. А вот как судьба с нами.

При словах «дом строили» за столом раздались всхлипы, и несколько человек принялись плакать.

– Я вам хочу сказать. Вы все здесь Сашины друзья, мои друзья, правильно говорю? Кирюши только нет, но вы и сами

знаете, где он сейчас, – за столом обреченно закивали. – Вы знаете, что за жизнь там у них, что ни день, то мука. А уж на карантине... Одно его спасало, что мамка с папкой тут на воле, здоровые живут. Заклинаю вас, дорогие мои, – она с силой вдавила руку себе в грудь, приминяя отворот платья и обводя умоляющим взглядом всех присутствующих, – не говорите ему, что с отцом случилось. Христом Богом молю – не дайте знать, что Саши больше нет. Не перенесет мальчик. Я крепкая, справлюсь, а он не сдюжит.

– Да кто ж ему скажет!

– Понимаем...

– Софочка, не скажем, не плачь.

– Не узнает он, я тебе слово даю.

Раздались бравые возгласы, и Софья Петровна, часто моргая, благодарно кивнула.

– Он мне вчера звонил, спрашивал, отец где, не вернулся ли еще, не заболел ли в Москве этой, чумной? Я говорю, нет, работает, а не звонит, потому что занят очень, бумагу туалетную печатает. И смех, и грех, – горько икнула она. – А он мне знаете что? Ничего, говорит, приедет, да и отдохнет.

– Дома он теперь, Софочка, не рви себе душу, – пробасил мужской голос с дальнего конца стола, опережая приступ вдовой печали. – Отдыхает, земля ему пухом.

При этих словах Софья Петровна, по-крестьянски тяжело махнув рукой, молча присела. Уперев локти по бокам от тарелки с остывшим пюре, она уставилась на хаотичные пятна

подливы и кружки огурца.

– А помните, как он... – начала она, и лица, осветившись детским любопытством, повернулись к ней. Тронулся лед воспоминаний и в памяти гостей, как карточки волшебного фонаря, взбудоражились и поплыли короткие и длинные связи с покойным. Вдруг зашевелились и ожили забытые детали, нюансы неприметного облика. Вспомнились несмешные шутки, и раздражавшие некогда черты вдруг стали обретать удивительное, почти безупречное совершенство. Брошенное когда-либо слово приобретало сакральный смысл, а некоторые поступки, вроде того, что покойный незадолго до смерти переписал на жену свой автомобиль, выстраивались в зловещее предзнаменование. В конце концов, доведя до критического идеала облик почившего, гости стали собираться. Софья Петровна, чуть покачиваясь, пыталась было помочь молчаливым официантам в белых, одноразовых перчатках, но, столкнувшись с почтительной укоризной, решила все же отправиться домой.

Потекли дни, в которых все было почти по-прежнему. Пустой дом примирился со своей участью, а Софья Петровна укротила, наконец, кусты малины, придав неприлично-буйной растительности подобающий вид. Дом ее стоял за городом. Вокруг лежали поля, мирно дребезжали соседские стройки, а ниже по склону текла река. Женщина часто спускалась туда, осторожно обходя заросли дурман-травы, а по возвращению садилась у открытого окна и, слушая вибра-

рующие трели соседской бензопилы, представляла себе Кириюшу. Вот он, в чисто-стиранной тюремной робе разгружает провизию, а вот таскает кирпичи или стелет асфальт. Представлять сына за работой ей было приятно. Сложнее было представить, как в пять вечера он насмерть пробил прохожему легкое складным ножом.

По вечерам, отмыв руки от чернозема и, по привычке, сбрызнув антисептическим раствором, она наливала большую кружку травяного чая и бралась за телефон. словно назойливая муха, бьющаяся о стекло в своем безнадежном танце, Софья Петровна повторяла собственноручно созданный ритуал. Наскоро разделавшись с приветствием, она переходила к главному. «А вдруг кто проговорился?» «А Коля, когда Кириюше звонил, не сказал?» «Нет?» «А Аня точно не написала?» – засыпала она вопросами одного за другим. Ей отвечали с пристрастием, разделяя опасения, поддакивая и заверяя. Друзья и близкие включились в эту игру и выполняли ее условия с кровной приверженностью, тщательно оберегая совместно возвращенную тайну. Однажды высказанная просьба обзавелась группой заговорщиков, и они принялись за дело с энтузиазмом стариков и с поистине монастырской выносливостью. В любой компании теперь, едва касались имени покойного, его вдовы или сына, тотчас загоралась невидимая предупредительная лампочка, и беседа, плавно огибая опасные участки, возвращалась в мирное, безопасное русло.

Привыкнув за последние месяцы проводить время вза-

перти, Софья Петровна не ведала об этой преданности. Напротив, ей стало казаться, что в зазубренных, однообразных ответах ее собеседников стала проскальзывать недосказанность. Если ей отвечали «нет», она слышала «да». Если в разговоре возникали паузы, она воспринимала их как предательское подтверждение собственных подозрений. Она стала раздражительной и удивляла друзей не свойственной ей говорливостью. Не желая слушать о погоде или чужих внуках, она терзала подруг и друзей, вытряхивая из их измученных душ несуществующее признание. Оскорбленные в своих самых высоких чувствах, они начали ее сторониться. Вместо голосов Софья Петровна все чаще стала слышать долгие гудки, и это несоотносимое с ее внутренним терзанием равнодушие – больно ранило ее.

Тогда она принялась писать письма сыну, чего раньше никогда не делала, предпочитая телефонные переговоры. Она распечатала упаковку бумаги, вручную разлиновала ее и принялась за дело. Это были не обычные письма, где найдется место и хорошему, и плохому, как обычно случается. То были письма, насквозь пронизанные лучами жизни, залитые безоблачным сиянием восхитительного, поистине райского существования двух влюбленных друг в друга пенсионеров. В этих посланиях страшная эпидемия так и не добралась до их поселка и не коснулась никого из рабочей бригады отца. В них сквозила радостная, долгожданная усталость от долгих лет труда и забот, беспрестанно пели птицы и лета-

ли безжалые пчелы, в них не заканчивались прогулки вдоль сытой рыбой реки и не пересыхал колодец с ключевой водой во дворе. Там не догорал костер с бурлящей в котле нежной говядиной и картошкой, собранной отцом, который, изо дня в день только и делал, что бесплатно поправлял свое здоровье. Он так полюбил лежать в гамаке на крыльце их нового дома, что из-за такой любви разбитый на заднем дворе сад стал давать неслыханные урожаи черешни и персиков. Вот такая была жизнь в этих письмах. И Софья Петровна до того полюбила их писать, что позабыла и про ежедневные контрольные звонки, и про пыль на крышке гроба, и про последний разговор с Сашей, где он, излишне храбрясь, говорил о сотнях и тысячах умерших от китайской заразы москвичей. Все осталось где-то за краем приусадебного участка, который зазеленел и расцвел белыми всполохами душистых, пьянящих цветов дурман-травы, тихо прокравшихся сюда от самой реки.

Время от времени Софья Петровна подсчитывала, сколько лет осталось сидеть Кириюше, – получалось где-то около семи. Иногда эта цифра казалось ей незначительной, а иногда нависала большой грозной тенью. Тогда она хваталась за ручку, задумывая письмо лучше прежнего, чтобы сыну о доме думалось легко, а работа шла только на пользу. И черная тень тогда послушно бледнела, превращаясь в мирные дни и месяцы, в ясные, отдохновенные годы. Софья Петровна вытягивала очередной чистый лист из пачки и начинала акку-

ратно, неторопливо на нем выводить: «Здравствуй, сын!»»

Дарья Грицаенко

dariyagritsaenko@gmail.com

Перспектива

На остановке общественного транспорта возле станции метро ходит парень. Он, как и все, камуфлирован в маску и перчатки. Впрочем, что маски, что перчатки – на людях разные. По ним можно определить уровень дохода и социальный статус, а по некоторым – даже профессию и возраст. Но наш человек максимально обезличен. У него все какое-то никакое, нечто в серо-коричневом цвете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.